

В.Н. Лившиц, С.В. Лившиц

Эта статья о том, насколько у жителей нашей планеты различаются жизненные средства (накопленное ими богатство и получаемые ими доходы) и как велико при этом неравенство потенциальных финансовых возможностей уровня и качества жизни населения как зарубежных различных стран, так и нашей страны – жителей различных регионов России, работающих в различных отраслях и сферах деятельности. Кратко будет проведен системный анализ не только уровня этих доходов и степени их дифференциации по рассматриваемым субъектам, но и их динамики, а также негативных и позитивных последствий этой дифференциации, возможных путей и целесообразности ее уменьшения. Значительное внимание будет также уделяться методам измерения неравенства и бедности, реальным значениям их индикаторов, влиянию на них различных факторов, в том числе статусного

© Лившиц В.Н., Лившиц С.В., 2018 г.

Лившиц Вениамин Наумович – д.э.н., профессор, ИСА РАН, Москва, livchits@isa.ru

Лившиц Светлана Вениаминовна – к.э.н., ЦЭМИ РАН, Москва

Авторы выражают глубокую благодарность И.Е. Бочаровой за оказанную большую помощь в профессиональном переводе на английский язык необходимых фрагментов обеих частей статьи.

¹ Часть 1 см.: Экономическая наука современной России. 2017. № 3 (78). С. 70–86.

Работа выполнена частично при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проекты № 16-06-00098, № 17-06-00041 и № 17-06-00058).

положения получателя доходов (наемный работник, руководитель, член совета директоров и т.д.).

Статья состоит из двух частей. В первой был дан общий обзор проблемы, взгляд на нее глазами отечественных и зарубежных выдающихся экономистов и социологов. В настоящей второй части статьи главное внимание уделено системному анализу влияния различных отраслевых, региональных и других факторов на уровень бедности различных групп населения и неравенства их денежных доходов в нашей стране и за рубежом.

Ключевые слова: глобализация, нестационарная экономика, бедность, неравенство, денежные доходы населения, индекс Джини, коэффициент фондов, экономический форум.

JEL: I30, I32.

В последние пару лет проблематика данной статьи стала популярным сюжетом обсуждения на многих международных форумах экономистов (на ежегодных – в Давосе, периодических – в Москве, Санкт-Петербурге и др.), предметом дискуссии в ряде интересных статей. В некоторых из них сразу начинают с обсуждения (см., например, (Аганбегян 2015, 2017)) таких фундаментальных вопросов, как существование связи (или ее отсутствие) между неравенством доходов населения и его бедностью, наличием (или отсутствием) связи с темпом роста экономики, характер и тип этой связи, выяснение, может ли уровень неравенства служить интегральным критерием справедливости (Аджемоглу, Робинсон, 2016). Нередко при этом ставятся и обсуждаются более общие вопросы: неравенство доходов – это вообще позитивное или негативное явление; каков реальный и желательный для страны и его населения (иногда даже оптимальный) уровень бедности и неравенства денежных доходов за рубежом и в России (Шевяков, Кирута, 2002, 2004, 2009; Шевяков 2011); чем определяется восприятие неравенства в доходах (Монусова, 2016); насколько удачна (неудачна) структура денежных доходов россиян; как выглядит декомпозиция их неравенства по основным компонентам до-

ходов (Овчарова и др., 2016) и т.п. Высказываются по этим и многим другим связанным вопросам интересные аргументы *pro et contra*, причем дискуссионные моменты составляют иногда и квинтэссенцию публикации.

Так, например, в очень интересной и полезной, к тому же обширной работе известного экономиста, члена-корреспондента РАН, главного научного сотрудника ИМЭМО РАН (Капелюшников, 2017, с. 117), уже в начале статьи можно прочесть: «Обсуждение вопросов неравенства стремительно набирает популярность... Широкой публике внушают мысль, что экономическое неравенство – это главное зло, с которым сталкиваются современные общества. Предпоследний президент США Б. Обама объявил неравенство главным вызовом для нации. Политики всех стран, чтобы привлечь голоса избирателей, рассуждают о недопустимости существующих контрастов между богатыми и бедными. Ведущие международные организации – Всемирный Банк, МВФ, МОТ заказывают и публикуют десятки специальных исследований, с разных сторон рассматривающих феномен экономического неравенства. Книжки о неравенстве становятся мировыми бестселлерами (Пикетти, 2015; Стиглиц, 2015). Известные экономисты выступают с предложениями ввести конфискационные налоги на доходы наиболее состоятельных граждан. Многие считают радикальное сокращение неравенства единственным способом оживить экономический рост. Ожесточенные дебаты по этой проблеме ведутся и в России».

Мы опубликовали эту обширную поддержку из работы и ниже к ней добавим еще одну, потому что приведенная в них позиция, которая в указанной работе считается ошибочной, близка нашей, в том числе опубликованной в предыдущей первой части данной статьи (Лившиц В.Н., Лившиц, 2017б), но по ряду существенных моментов серьезно отличается. Так, мы нигде в наших соответствующих работах (Лившиц, 2013, 2015; Лившиц В.Н, Лившиц С.В., 2008, 2010, 2017а, 2017б) не выступали за бездумную конфиска-

цию, в том числе средствами необоснованных налогов. Другой вопрос – мы считали и считаем необходимым (не в целях конфискации, а в целях оптимизации функционирования экономики и повышения уровня жизни основной массы россиян) существенно изменить в стране систему налогов: от действующей в России с 2002 г. неэффективной, по нашему мнению, плоской шкалы налогообложения перейти к эффективной для России *нелинейной прогрессивной шкале с обоснованными параметрами* (полученными в том числе путем модельно-оптимизационных расчетов)².

Приведем еще одну цитату из указанной статьи Р. Капелюшника, в которой автор собрал основные ошибочные, по его мнению, положения другой статьи (Джомо, Попов, 2016). Многие из этих положений представляются нам отнюдь не ошибочными, а, напротив, очень полезными, если не реагировать отрицательно на иногда гипертрофированное эмоциональное изложение возможных и реальных социальных последствий их внедрения. Комментарий Р. Капелюшника следующий: «Как видно из названия статьи Джомо и Попова, она посвящена анализу мировых долгосрочных тенденций в структуре распределения доходов. Сначала авторы приводят данные различных исследований, иллюстрирующих хорошо известные факты снижения показателей экономического неравенства в 1930/1940–1970/1980 гг. и их повышения в ряде развитых стран в более поздний период, а затем предлагают “возможные объяснения” такой динамики... Из их анализа вырисовывается устрашающая, если не сказать апокалиптическая, картина: глобальное неравенство растет – неравенство внутри отдельных стран достигло пиковых по историческим меркам значений;

---

² Между прочим, этой же позиции придерживался и ряд известных наших экономистов, в том числе академики РАН Д.С. Львов, Н.Я. Петраков, Е.М. Примаков и многие другие (Шевяков, Кирута 2009; Шевяков 2011; Лившиц В.Н., Лившиц С.В. 2010; Лившиц, 2013, 2015; Абрамов, 2017; Озерова, 2017).

вознаграждение топ-менеджеров компаний в сотни раз превышает зарплаты среднего работника; в развитых странах реальная заработная плата стагнирует в течение уже нескольких десятилетий; безработица находится на высоком уровне; социальная мобильность остается низкой; доля капитала в национальном доходе непомерно высока, а доля труда неоправданно низка; растущее неравенство обескровливает экономический рост; по всему фронту идет контрнаступление капитала, а организованный социальный протест отсутствует; эскалация неравенства в странах Запада стала следствием исчезновения противовеса в виде системы мирового социализма; современный капитализм все больше теряет “человеческое лицо”; уже в ближайшее время дальнейшее нарастание неравенства чревато острыми социальными конфликтами – даже революциями и разрушением целых наций; выйти из создавшейся ловушки можно только при условии проведения государством социальной политики, направленной на радикальное сокращение экономического неравенства».

Нам кажется при нашей позиции, содержательно близкой к излагаемой в статье (Джомо, Попов, 2016), что убедительной и доказательной аргументации и контраргументации приведенных спорных важных дискуссионных моментов, связанных с неравенством, нет ни в той (Р. Капелюшника), ни в другой (Джомо, Попова, 2016) статье. Да, и у нас ее тоже нет, а есть только полезные мнения по этому поводу³. Таким образом, мы думаем, речь должна идти не о чьих-то «ошибках» и «правоте», а о еще не решенных важных теоретических и

---

³ Да и вообще значительная, по нашему мнению, полезность обеих упомянутых статей отнюдь не заключается только или в основном в наличии и содержании полемики их авторов. Даже заключительный аккорд статьи (Капелюшников, 2017), где освещается проблема выбора «позиции Стиглера», или «позиции Стиглица», представляется не только интересным, но и важным. Они требуют дополнительного серьезного исследования и обсуждения.

практических вопросах, связанных с неравенством доходов населения и его последствиями.

Более того, мы также думаем, что сегодня многие из этих вопросов не могут быть решены научно аргументированно, так как для этого пока не хватает не только конструктивных социально-экономических идей и их теоретической корректной аргументации, но и информационной базы, в том числе и о фактическом влиянии различных факторов на неравенство. Одна из целей нашей статьи – привлечь к проблеме внимание читателей, пополнив предварительно информационную базу для ее корректного системного анализа. В соответствии с указанным в ее первой части (Лившиц В.Н., Лившиц С.В., 2017б) общим планом изложения рассмотрим (в рамках ограничений жанра), опираясь на официальную статистику некоторых стран, отраслей и регионов России, как менялся и меняется уровень бедности (богатства) и неравенства денежных доходов населения планеты (и особенно наемных работников) при изменении таких важнейших факторов, как величина общей доходной базы (ВВП и ВРП на душу населения), уровень технологического развития и применяемой технологии, статусного места в рыночной (производственной) системе и заработной платы наемного работника и т.д. Обновим (дополним общую картину) также приведенные нами ранее в первой части статьи на базе того же информационного источника (последние номера журнала *Forbes* и его электронные номера) некоторые важнейшие данные по современному состоянию указанных проблем. С этого и начнем.

Как неоднократно отмечалось в научных публикациях (см., например, (Петраков, 1998; Львов, 2002, 2004; Лившиц 2013, 2015; Махонин, 2014; Мануков, 2015; Баязитова, 2015; Башкатова, 2017; Виленский и др., 2017)), в период реформирования российской экономики, т.е. после 1991 г., в ней резко выросло число бедных и даже нищенствующих россиян и одновременно число долларовых миллионеров и даже миллиардеров. По данным последней декады сентября прошлого года (Рождествен-

ская, 2017), «Россия опередила всех по росту долларовых миллионеров. Согласно ежегодному докладу консалтинговой компании “Capgemini World Wealth Report, 2017”, число миллионеров (чье состояние превышает 1 млн долл.) в мире за последний год выросло на 7,5% и достигло 16,5 млн человек. Совокупно они владеют 63,5 трлн долл. Из всех стран наиболее значимо число миллионеров выросло в России – на 19,7%, хотя годом ранее их число снизилось на 1,8%. Общее же число миллионеров в России остается сравнительно небольшим – 182 тыс. человек. Для сравнения: в США – 4,8 млн миллионеров, в Японии – 2,9 млн, в Германии – 1,3 млн, а в Китае – 1,2 млн человек. Из всех регионов наибольший рост показала Африка (на 8,1% – до 200 тыс. человек), на втором месте – Северная Америка (на 7,8% – до 5,2 млн человек), на третьем – Европа (на 7,7% – до 4,5 млн человек). Больше всего миллионеров – в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР): 5,4 млн человек, здесь рост за год составил 7,4%. В Латинской Америке и на Ближнем Востоке живет по 600 тыс. миллионеров. Рост числа миллионеров в Северной Америке и Европе ускорился: годом ранее рост составлял 2 и 5% соответственно, в АТР рост, напротив, замедлился с 9 до 7,4%. Что касается общего размера состояния миллионеров, то и здесь лидирует АТР – 18,8 трлн долл., за ними следуют Северная Америка – 18 трлн долл. и Европа – 14,7 трлн долл. По прогнозам упоминавшейся выше консалтинговой компании Capgemini к 2025 г. состояние всех миллионеров в мире превысит 100 трлн долл. (для сравнения: в 1996 г. оно составляло лишь 16,6 трлн долл.). Число “сверхбогачей” с состоянием больше 30 млн долл. за год выросло на 8,3%. Этим 157,2 тыс. человек (1% всего числа 16,5 млн миллионеров) принадлежит 34,5% общего состояния миллионеров. Большинство миллионеров – 90% общего их числа – обладатели состояний от 1 млн до 5 млн долл.».

Приведенные в (Белуза, 2017; Новокмет, Пикетти, 2017; Россия в зеркале..., 2015) дополнительные данные подтверждают ранее

упоминавшийся нами в первой части статьи сформулированный лауреатами Премии памяти Альфреда Нобеля Джозефом Стиглицем, Ангусом Дитомом основной вывод: глобализация мировой экономики в XXI в. не привела к необходимому большинству населения планеты справедливому перераспределению доходов, а по-прежнему богатые и особенно очень богатые продолжали и продолжают чрезмерно богатеть на общем фоне крайне неравномерного распределения доходов, причем этот процесс происходил и в развитых, и в развивающихся странах в обоих случаях – не только в относительно благополучные, но и в кризисные для мира в целом и экономики отдельных стран годы (Миланович, 2017; Лившиц, 2013, Лившиц В.Н., Лившиц С.В., 2010; Зубаревич, 2010).

В полной мере этот вывод относится и к России на современном этапе. Так, согласно статье (Докучаев, 2017): «Исследователи из РАНХиГС подсчитали так называемый коэффициент фондов, который устанавливает разницу в доходах между 10% самых состоятельных и самых неимущих граждан страны. За первое полугодие 2017 г. показатель оказался равен 14,3, т.е. именно во столько раз в среднем богатые россияне получают больше бедных. В первой половине прошлого 2016 г. показатель был меньше – 14,1. Разрыв в 14,3 – очень большой по принятым социологами в мире меркам. Для сравнения: в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), объединяющей 35 развитых и развивающихся стран (Россия не входит), средний размер коэффициента фондов составляет 9,0–9,5. Получается, что в России дифференциация в доходах в два раза больше. Причем у российских богачей, как мы все прекрасно знаем по спискам миллиардеров Forbes и другим подобным рейтингам, дела обстоят прекрасно. Их благосостояние, мягко говоря, ничем не уступает соседям по списку из других стран. А вот с российскими бедняками – беда... Удивляться этому не приходится. Согласно тому же мониторингу РАНХиГС «за последние четыре года доходы населения в России сократились на 11,2, размер назна-

ченных пенсий – на 7,4, а реальная заработная плата – на 2,9%»⁴.

В первую очередь это сокращение бьет по беднейшим слоям населения. А бедняков у нас в стране согласно официальным подсчетам порядка 20 млн, что значительно больше тех самых 10% населения, которые требуются для подсчета нижнего порога коэффициента фондов. На этом фоне особенно удручает тот факт, что разрыв в доходах между богатыми и бедными в 2017 г. увеличился. Ведь сравнивается он с первой половиной прошлого года, когда и экономика падала, и доходы россиян тоже. Сейчас же Росстат фиксирует положительную динамику: ВВП во втором квартале 2017 г. увеличился на 2,5%, реальные доходы населения впервые в мае оказались не в минусе, а на нуле... А уровень социального не-

---

⁴ Представляется, что указанное снижение уровня жизни российского населения и экстремальное неравенство денежных доходов его различных групп во многом определяются причинами, указанными в работе (Львов, 2003), в его «Гражданском манифесте»: «Наша экономика бесконечно далека от нормального рыночного аналога. Это, конечно же, не рынок, а его квазирыночный гибрид, вобравший в себя худшие черты директивной и рыночной экономик. Дело в том, что уход государства из экономики не был скомпенсирован развитием эффективных институтов рыночных отношений на уровне предприятий и регионов. Конечно, у магистрали, ведущей Россию в будущее, нет поворотов к социалистической Системе. Но она не лежит и на путях поглощения ее капиталистической Системой... Социалистическая доктрина воплощает в себе идею солидарной заботы людей о своем будущем, объединяющую всех перед лицом ощутимой угрозы потери будущего или распада упорядоченной картины будущего, как достояния любого человека данной культуры. Она направлена на продление существования привычного уклада жизни, где каждый человек чувствует себя как дома. Мы плохо живем не потому, что плохо работаем, а мы плохо работаем потому, что плохо живем. С распадом СССР пала отнюдь не социалистическая доктрина, а система, обеспечивавшая руководящей “элите” возможность властвовать над экономикой, над обществом и лишать личной свободы наших сограждан».

равенства на этом фоне только увеличивается, лишний раз демонстрируя, что «выздоровление» и рост российской экономики, если и происходит, то исключительно за счет богатых, у которых, прямо скажем, и раньше дела обстояли неплохо... В этих условиях людям остается только выживать по принципу «кто во что горазд», и те, кому тянуть кредиты не под силу, «просто кормятся со своих огородов: весной 2017 г. этим занималась почти треть населения по сравнению с 20% в 2014 г.» – политкорректно описали такой процесс исследователи из РАНХиГС (Докучаев, 2017).

С этими описаниями перекликается и мнение научного руководителя Института экономики РАН Руслана Гринберга, который назвал российский коэффициент фондов около 15,0 «скандальным показателем», поставив в итоге такой диагноз (Гринберг, 2012): «У нас – асоциальный капитализм, да еще с феодальной окраской, настоящее господство несправедливости». В других развитых странах (а Россия претендует быть в их числе) разрыв в доходах между богатыми и бедными, т.е. коэффициент фондов, значительно меньше и, в частности, согласно упомянутой выше статье (Докучаев, 2017) составляет: в Италии – 11,7; Великобритании – 10,5; Франции – 7,4; Германии – 6,4; Норвегии – 6,1; Швеции – 5,8; Японии – 4,9. В советское время, как отмечалось нами ранее в первой части статьи, коэффициент фондов был, как в странах Скандинавии, – 4–6 (чуть ниже, чем в дореволюционной России). Впрочем, немало и других социально-экономических российских показателей, которые в советское время выглядели более привлекательно или хотя бы более нормально. Так, согласно (Ростовский, 2013) в интервью бывшего тогда (в апреле 2013 г.) министром экономического развития РФ А. Белоусова отмечена и такая современная особенность нашей столицы: «В СССР в эпоху “колбасных электричек” доля Москвы составляла 10–12% товарооборота. Сейчас эта доля порядка 20%. Москва превратилась в огромный логистический центр, поэтому сюда и народ собирается».

Да и сами абсолютные и удельные значения ВВП даже в пределах 20 наиболее развитых стран, как показано в (Мир в цифрах, 2013, с. 14) сильно варьируют (табл. 1).

Конечно, сравнивая страны по уровню ВВП, мы не идеализируем его как показатель системного уровня развития экономики и жизни населения. Учитывается нами известная его критическая оценка, содержащаяся даже в заглавии монографии («Почему ВВП не имеет смысла?») выдающихся экономистов (Стиглиц, Сен, Фитусси, 2016), и мы с ними согласны (в том числе и применительно к России). Они корректно сформулировали тезис (с. 14): «Одна из причин того, почему большинство людей ощущают, что стали жить хуже, хотя средний ВВП растет, состоит в том, что они действительно стали жить хуже».

Перейдем теперь от характеристики общей картины с неравенством денежных доходов населения к статистическому изучению различных, наиболее важных влияющих на него факторов – страновых, экономических, социальных, ресурсно-технологических, региональных, отраслевых, профессиональных и др., и рассмотрим их вариацию. Естественно начать с базы возникновения денежных доходов населения, т.е. с величин ВВП стран (в млрд долл.) и ВВП на душу населения в различных странах. Из табл. 1 для 20 стран с наиболее развитой экономикой (Мир в цифрах, 2013, с. 14) видно, что вариация здесь значительная, т.е. межстрановой фактор существенный. Однако нам представляется, что не менее важны географический и внутрискановый факторы – различие бедности и неравенства доходов населения в различных частях планеты и в разных регионах одной и той же части и даже отдельной большой страны.

Об этом можно судить и по информации, указанной в табл. 2 (Мир в цифрах, 2013, с. 15), где данные приведены по отдельным территориям для 2011 г. при общем числе жителей планеты 7,9 млрд человек. Естественно, приведенные в табл. 2 показатели сильно агрегированы, но нахождение более адекватной решаемой задаче информации де-

Таблица 1
ВВП в 20 странах с наиболее развитой экономикой

Страна	ВВП, млрд долл., 2010 г.	Страна	ВВП, млрд долл. с учетом ППС 2010 г. по покупательной способности
1. США	14 587	1. США	14 587
2. Китай	5927	2. Китай	10 170
3. Япония	5459	3. Япония	4299
4. Германия	3281	4. Индия	4195
5. Франция	2560*	5. Германия	3059
6. Великобритания	2262	6. Россия	2820
7. Бразилия	2088	7. Великобритания	2223
8. Италия	2061	8. Франция	2214
9. Индия	1727	9. Бразилия	2185
10. Канада	1577	10. Италия	1933
11. Россия	1480	11. Мексика	1652
12. Испания	1407	12. Испания	1485
13. Австралия	1132	13. Ю. Корея	1422
14. Мексика	1036	14. Канада	1333
15. Ю. Корея	1014	15. Турция	1141
16. Нидерланды	779	16. Индонезия	1037
17. Турция	734	17. Австралия	851
18. Индонезия	707	18. Иран	846
19. Швейцария	528	19. Тайвань	824
20. Польша	469	20. Польша	759

* Включая зарубежные подразделения.

мографического плана (в том числе и с территориальной привязкой) на современном этапе вряд ли является трудной проблемой. Но это же вряд ли можно так же оптимистично утверждать о социально-экономической дифференцированной территориально информации, особенно в части неравенства доходов и бедности населения небольших городов и регионов многих стран, не входящих в «двадцатку или семерку», где вариативность нередко может быть значительно выше (Львов, 2002, 2004). Впрочем, как отмечается в (Герасимова И.А., Герасимова Е.А, 2014, с. 42), еще в 2012 г. ведущий специалист Всемирного банка Бранко Миланович писал, что «впервые со времен промышленной революции отмечено общее снижение глобального неравенства

населения мира по уровню доходов». Для устойчивости этого процесса автор отмечал необходимость: 1) сближения стран по уровню среднедушевых доходов и 2) ограничения роста их внутривнутристрановой дифференциации. Сегодня он предлагает новые подходы в (Миланович, 2017) для снижения уровня глобального неравенства денежных доходов населения. Можно утверждать, что всемирная экономическая мысль работает в нужном направлении, хотя кажется, что практические результаты еще впереди. А между тем все виды неравенства, в том числе и территориального размещения населения, только набирают обороты.

Из данных табл. 1 и 2 видно, что базовые ресурсные возможности (значения поку-

Таблица 2
Территориальное распределение населения и ВВП

Разделение населения по регионам	Доля населения, %	ВВП, млрд долл.	ВВП, млрд долл./чел.	Покупательная способность, долл./чел.
Весь мир	100,0	69 660	8817,72	11 480
Страны с развитой экономикой	14,9	44 420	37 736,81	39 320
Страны «Большой семерки»	10,8	33 670	39 463,20	40 890
Страны еврозоны	4,8	13 120	34 599,16	33 790
Азия*	52,3	11 320	2739,79	5510
Центральная и Северная Европа	6,8	4340	8078,93	13 280
Ближний Восток и Северная Африка	5,7	2270	5041,08	9900
Африка южнее Сахары	11,9	1200	1276,46	2380
Латинская Америка	8,4	5610	8453,89	11 850

* Исключая Гонконг, Японию, Сингапур, Ю. Корею и Тайвань, но включая Турцию.

пательной способности по рассматриваемым странам и ВВП млрд долл./душу по указанным регионам) различаются многократно, т.е. инициируемое ими неравенство на планете даже среди 20 стран с наиболее развитой экономикой явно вышло за нормальные пределы и «требует укорота» (Новокмет, 2017).

Убедимся в правильности этого печального вывода и применительно к другим таким важным факторам, как уровни технологического развития и оплата труда (в том числе и заработной платы наемных работников), причем Россия будет не счастливым, а, скорее, печальным исключением.

Начнем с данных, приведенных ниже в табл. 3, в которой (Зайцев, 2016, с. 42) указаны данные на 2011 г. по странам в порядке роста производительности труда. Здесь выделены следующие абсолютные и относительные (к уровню РФ) значения ключевых характеристик: часовая производительность труда (LP), капиталовооруженность труда (k) на час отработанного времени, человеческий капитал ($HumCap$) и уровень технологий (MFP).

Из приведенных в табл. 3 данных видно, что в России производительность труда существенно ниже, чем во многих других развитых странах (в 2,9 раза – по сравнению с США, а по капиталовооруженности труда – еще боль-

ше), хотя и в два с лишним раза превышает аналогичный китайский показатель.

В (Зайцев, 2016, с. 41–64) в разделе «Результаты расчетов» приводится много других полезных итогов сравнительного анализа состояния экономики России и других развитых стран, в частности (с. 41–42): «уровень технологий в США в 1,83 раза выше российского... Другие развитые страны опережают Россию в 1,3–1,6 раза. Технологический уровень Китая составляет 52% от российского уровня...». Далее указывается: «если сравнивать Россию с развитыми странами – Канадой, Германией, США и Норвегией, то разрыв в производительности труда (в 2–4 раза) по экономике в целом на 53% объясняется более низким уровнем технологий (МФП) в России, на 43% более низкой капиталовооруженностью труда и на 4% более низким качеством человеческого капитала» (Там же, с. 46). Отметим также важность допущений, которые были приняты при проведении того или иного цикла расчетов, например (Там же, с. 51), имеется полезно дополняющая вышеприведенную табл. 3 по тем же странам количественная информация с включением и исключением из ВВП страны значений природной ренты.

Конечно, как отмечалось, в межстрановых сопоставлениях, в том числе при анализе

Таблица 3

Ключевые показатели уровня развития экономики и технологий в различных странах

Страна	Значение			К уровню РФ			
	<i>LP</i> , долл. PPP	<i>k</i> , долл. PPP	<i>HamCap</i> , балл	<i>LP</i>	<i>k</i>	<i>HamCap</i> , балл	<i>MFP</i>
Китай	7	30	62,5	0,36	0,55	0,85	0,52
Россия	19	54	73,5	1,00	1,00	1,00	1,00
Венгрия	21	94	72,7	1,09	1,72	0,99	0,89
Латвия	21	87	74,4	1,09	1,59	1,01	0,90
Чехия	25	104	73,8	1,31	1,90	1,00	1,00
Словакия	27	89	71,6	1,43	1,63	0,97	1,18
Словения	30	137	75,1	1,60	2,52	1,02	1,14
Канада	40	119	78,0	0,09	2,18	1,06	1,48
Финляндия	42	193	82,1	2,21	3,54	1,12	1,27
Германия	49	180	78,4	2,58	3,31	1,07	1,57
США	55	172	76,1	2,89	3,17	1,04	1,83
Норвегия	84	238	80,6	4,42	4,38	1,10	2,25

Примечание. * PPP (purchasing power parity) – ППС (паритет покупательной способности).

ресурсно-технологического аспекта и соответствующих уровней развития экономики и технологий, важны различия не только в макроэкономических (см. табл. 3), но и в секторальных и отраслевых (Гимпельсон, 2016) ключевых характеристиках. К ним относится и немало варьирующий по странам уровень конечного энергопотребления, что наглядно видно по приведенным в табл. 4 данным, относящимся к 2012 г. (Попов, 2015).

Конечно, различия по странам отмечаются не только в конечном энергопотреблении, но и в других компонентах расходов – показательна в этом плане приведенная в (Григорьев, 2016, с. 166) информация о варьировании ставок налога на прибыль в различных странах в 2015 г., %: США – 43,9; Великобритания – 32; Австралия – 47,6; Италия – 64,8; Швеция – 49,1; Германия – 48,8; Франция – 62,7.

Продолжим анализ, предварительно отметив, что при системном анализе проблем неравенства денежных доходов населения для России в силу ее большой пространственной протяженности (и для ряда других стран с обширной территорией – Канады, Китая, Австра-

лии и др.) не менее важен, чем межсекторный и межотраслевой (а может быть, и более важен), именно межрегиональный фактор, сравнение характеристик развития и ресурсопотребления различных регионов. Мы рассмотрим их после анализа межсекторного неравенства в сфере энергетики. Значения межрегионального фактора по регионам нашей страны, как видно из следующей табл. 5 рейтингов регионов, составленной по данным монографии (Регионы..., 2008), также сильно варьируют, даже с учетом темпов роста доходов населения. При этом сравнение проведено по всем субъектам РФ, среди которых выделены и помещены в табл. 5 сначала (в 1–3-м столбцах) 10 лидеров, а затем (в 4–6-м столбцах) 10 аутсайдеров в текущей оценке K_p . Более полный сравнительный анализ энергетики России и других стран приведен в монографии (Фундаментальные проблемы..., 2013, с. 261–278).

Результаты ранжирования не кажутся очевидными, например, далеко не призовое положение Москвы и Московской области. Но, как известно, «факты – упрямая вещь». Тем более что проблемы внутри- и межрегионального неравенства доходов, в том числе и в России

Таблица 4

Доля секторов экономики в конечном энергопотреблении на энергетические нужды ряда стран, 2012 г., %

Экономика	Конечное энергопотребление, млн т у.т.	Промышленность, %	Транспорт, %	Сельское хозяйство, %	Бытовой сектор (услуги), %
КНР	2224	52	15	2	28
США	1887	19	45	1	34
Россия	560	37	24	3	37
Япония	384	30	28	1	40
Германия	283	28	27	0	45
Франция	203	20	31	3	45
Республика Корея	174	39	25	2	34
Великобритания	171	20	32	1	46
Тайвань	66	48	26	0	20
Швеция	44	36	25	1	38
Сингапур	15	51	25	0	22
Гонконг	12	24	25	0	49
Монголия	4	35	23	3	35
Всего	11 585	31	31	2	34

Таблица 5

Рейтинг регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров по коэффициенту роста (K_p , раз) доходов населения в 2000–2007 гг. (с учетом паритета покупательной способности)

Номера в рейтинге регионов-лидеров	Субъект РФ	K_p^*	Номера в рейтинге регионов-аутсайдеров	Субъект РФ	K_p^*
1	Республика Дагестан	10,0	70	Тюменская область	4,7
2	Приморский край	9,2	71	Республика Калмыкия	4,7
3	Чукотский автономный округ	8,9	72	Новгородская область	4,6
4	Республика Ингушетия	8,8	73	Республика Коми	4,6
5	Ленинградская область	7,8	74	Республика Адыгея	4,3
6	Сахалинская область	7,5	75	Республика Саха (Якутия)	4,2
7	Омская область	7,5	76	Мурманская область	4,1
8	Московская область	7,5	77	Хабаровский край	4,1
9	Амурская область	7,4	78	Москва	3,9
10	Калужская область	7,4	79	Камчатская область	2,6

(Малкина, 2015), исследованы и освещены в печати в специализированных журналах (например, «Региональная экономика», «Пространственная экономика» и др.).

Неравенство на планете продолжает расти. Эту мысль сейчас можно услышать очень часто, что в очередной раз подтвердило исследование экономистов банка Credit

Suisse: 1% населения планеты владеет половиной всего ее богатства. В исследовании этого года особое внимание уделено среднему классу, составляющему, по мнению экономистов швейцарского банка, 14% взрослого населения планеты. Численность среднего класса определяется размерами богатства его представителей – от 50 тыс. до 500 тыс. долл.

Богатством же авторы исследования считают стоимость активов, включающих недвижимость, ценные бумаги и другое ценное имущество, но без долгов. В связи с этим в упомянутом исследовании подчеркивается: «по численности среднего класса Китай впервые обошел США, причем обошел намного – 109 млн и 92 млн человек соответственно. Для того чтобы войти в первую половину человечества по размерам богатства, нужно не так уж и много – всего 3210 долл., 68,8 тыс. долл. позволяет войти в составляющую 10% численности населения Земли прослойку богатых людей, 1% самых богатых владеет, как минимум, 759,9 тыс. долл.»

В исследовании Credit Suisse можно найти и немало интересных статистических данных. Примерно, 3,4 млрд человек, составляющих свыше 70% взрослого населения планеты, обладает богатством менее 10 тыс. долл. Еще 1 млрд человек, или каждый пятый взрослый землянин, находится в пределе от 10 тыс. до 100 тыс. долл. Богатство каждого из 383 млн взрослых, составляющих 8% населения, превышает 100 тыс. долл.

В итоге может быть представлена примерно следующая (табл. 6) пирамида распределения мировых богатств. В России на середину этого 2015 г. было 109 516 тыс. взрослых жителей. Богатство взрослого россиянина, полученное делением суммарного богатства на численность взрослых жителей, составило 1388 долл. По этому показателю наша страна уступает не только десяткам стран, население

которых намного меньше, но и, например, Пакистану, стране, которую вряд ли кто-то считает богатой. Взрослого населения Пакистана – на миллион больше, чем России. Тем не менее средний взрослый пакистанец имеет 2316 долл. За год число долларовых миллионеров в РФ сократилось на 58%, а доля среднего класса упала до микроскопического уровня – 4,1%. По их числу (числу россиян, относимых к среднему классу) можно считать, что РФ после заметного роста в 2000–2007 гг. вернулась к уровню 2000 г., а по темпам сокращения среднего класса Россия занимает первое место в мире, что и констатируют в Credit Suisse.

Результаты исследования говорят и о том, что одновременно с падением благосостояния в России растет имущественное неравенство. Вот как это отмечают в докладе Credit Suisse: «Самые богатые 10% россиян владеют 87% всего благосостояния России (против 85% в 2014 г.). Это значительно выше ситуации во всех других крупных экономических державах, например, в США эта цифра составляет 76%, в Китае – 66%».

Положение усугубляется также и тем, что структура денежных доходов в нашей стране весьма специфична (не в пользу основной массы россиян), что наглядно демонстрируют данные, приведенные в табл. 7. При этом необходимые изменения (например, существенно уменьшить долю скрытой оплаты труда) российский нестационарный рынок сам внести не сможет. Здесь, как показано в монографии (Шевяков, Кирута, 2009), нужны интенсивные

Таблица 6

Распределение богатства среди 4,857 млрд человек трудоспособного населения планеты в 2015 г.

Уровень богатства	Число трудоспособного населения, млн чел.	Доля трудоспособного населения, %	Уровень богатства, млн долл. /чел.	Суммарное богатство, трлн долл.	Доля в суммарном богатстве, %
Высший	34,0	0,7	Больше 1,0	112,9	45,2
Первый	349,0	7,3	От 0,1 до 1,0	98,5	39,4
Второй	1003,0	21,0	От 0,01 до 0,1	31,3	15,6
Третий	3386,0	71,0	Меньше 0,1	7,3	0,8
Итого	4772	100	Больше 0	250,0	100

Таблица 7
Структура денежных доходов населения России, %

Год	Денежные доходы, всего	Доходы от бизнеса	Оплата труда, включая скрытую	Доля скрытой оплаты труда	Социальные выплаты	Доходы от собственности	Другие виды доходов
1990	100	3,7	76,4	–	14,7	2,5	2,7
1991	100	4,1	62,5	–	16,4	12,8	4,2
1995	100	16,4	62,8	25,0	12,1	6,5	1,2
1997	100	12,5	66,1	28,2	14,8	5,7	0,9
1998	100	14,4	65,8	27,1	13,4	5,5	0,9
1999	100	12,4	66,5	31,2	13,1	7,1	0,9
2000	100	15,3	62,9	26,3	13,8	6,8	1,2
2001	100	12,6	64,6	25,9	15,2	5,7	1,9
2002	100	11,9	65,8	24,8	15,2	5,2	1,9
2003	100	12,0	63,9	24,4	14,1	7,8	2,2
2004	100	11,7	65,0	24,5	12,8	8,3	2,2
2005	100	11,4	63,6	23,6	12,7	10,3	2,0
2006	100	11,1	65,0	25,4	12,0	10,0	1,9
2007	100	10,0	67,5	26,1	11,6	8,9	2,0
2008	100	10,2	68,4	23,7	13,2	6,2	2,0
2009	100	9,5	67,3	26,1	14,8	6,4	2,0
2010	100	8,9	65,2	24,9	17,7	6,2	2,0
2011	100	8,9	65,6	25,6	18,3	5,2	2,0
2012	100	9,4	65,1	23,8	18,4	5,1	2,0
2013	100	8,6	65,3	23,9	18,6	5,5	2,0
2014	100	8,4	65,8	24,2	18,0	5,8	2,0
2015	100	7,3	65,9	–	18,2	6,6	2,0

целенаправленные действия государственной власти, для чего должна существенно измениться парадигма государственного управления (Лившиц, 2015). А осуществить это будет очень непросто, так как имеет место большое неравенство и непосредственно в оплате труда (зарботной плате) наемных работников в ряде стран, особенно в России, где она в денежных доходах населения традиционно занимает наибольшее место (см. табл. 7) (Овчарова и др., 2016, с. 172). К тому же в России статусное (в зависимости от должности) неравенство в оплате труда побило все рекорды и разительно даже на государственных предприятиях. Значительное место в оплате труда наемных работников (и не только в сфере

бизнеса) по-прежнему занимает «серая оплата в конвертах», усугубляющая неравенство в фактических денежных доходах. Как видно из данных нижеприведенной табл. 8, результаты сопоставления доходов топ-менеджмента и средних доходов работников тех же предприятий различаются в уровнях уже нередко не в разы, а на порядки (т.е. в десятки, а иногда и сотни раз)⁵.

⁵ Естественно, что такой anomalно (Гринберг, 2012) высокий уровень неравенства оплаты труда топ-менеджеров и «обычных наемных работников» оказывает сложное и неоднозначное (и позитивное, и негативное) влияние на ряд важных производственных и социально-экономических по-

Таблица 8

Заработная плата работников компаний в 2014 г., млн р.

Предприятие	Средний доход члена правления (или топ-менеджера)	Средний доход работника группы предприятий	Разница в средних доходах члена правления и работника того же предприятия
Сбербанк	209	0,98	216
Газпром	149	1,148	130
Группа ВТБ	145	1,115	130
Норильский никель	99	0,76	130
ИНТЕР РАО	58	0,73	79
X5 RETAIL GROUP	56	0,53	106
РЖД	56	0,5	111
EVRAZ	52	0,64	81
НЛМК	45	0,59	76

Источник: (Беляев, 2015).

Теперь обратимся к современной российской действительности, где дифференциация доходов еще больше зашкаливает и достигла уже социально опасных размеров (коэффициент фондов в целом по стране реально превысил 20,0; в Москве он достиг 70 и даже выше), так что справедливо в отношении России (Шевяков, Кирута, 2009, с. 160): *«можно говорить, что снижение избыточного неравенства позволит не только остановить депопуляцию, но и обеспечить существенно более высокие темпы экономического роста. Именно поэтому показатели неравенства и относительной бедности должны стать ключевым ориентиром согласованной экономической, социальной и демографической политики»*.

Немаловажно и мнение населения, которое, согласно опубликованным опросам ВЦИОМ (Елкина, 2016), таково: «наши соотечественники по-прежнему не могут смириться с доходами “эффективных менеджеров” и при этом не верят в собственные возможности зарабатывать больше. О несправедливости распределения в обществе сегодня, как и

казателей бизнеса и уровня жизни населения (в том числе на коэффициент фондов, производительность труда и др.).

25 лет назад, заявляет подавляющая часть населения (89%). Однако теперь россияне “разрешают” государству вмешиваться в этот вопрос. Если в 1989 г. с тем, что вмешательство в распределение доходов должно сократиться до минимума, соглашались 64% респондентов, то сегодня – только 27%. Это показал недавний (Емельяненко, 2017) опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), который охватил 1,6 тыс. человек в 132 населенных пунктах 46 регионов России. Сегодня 51% опрошенных считают распределение доходов в обществе абсолютно несправедливым. При этом 64% заявляют об отсутствии возможностей повышения доходов. Идею ограничить доходы богатых сегодня поддерживают значительно больше людей, чем в годы перестройки. По мнению россиян, разница в зарплате должна быть не более 3–4 раз, это самый популярный вариант, за который «проголосовали» 32% респондентов (в 1989 г. их было лишь 12%); 18% соотечественников считают, что в стране не должно быть миллионеров; 90% уверены, что власть должна гарантировать каждому доход не ниже прожиточного минимума (в 1989 г. – 84%)».

Между тем в нашей псевдокапиталистической экономике процессы идут, скорее, в

противоположном направлении. Так, в статье (Беляев, 2015, с. 1) отмечается: «Несмотря на спад в экономике, в прошлом году выросло число богатых граждан, фиксирует статистика Федеральной налоговой службы. Так, число налогоплательщиков, задекларировавших за 2014 г. доход более 1 млрд р., возросло на 5,8% – с 292 до 309 человек. Выросло и число миллионеров – число поданных налоговых деклараций с задекларированным доходом от 1 млн до 10 млн р. выросло на 13%... Увеличилось и число мультимиллионеров: заработавших в прошлом году от 500 млн до 1 млрд р. стало на 6,6% больше – 453 человека. “Средний” класс, который задекларировал доход от 10 млн до 500 млн р., почти не изменился: было подано 23,5 тыс. деклараций, что на 1% больше аналогичного показателя за 2013 г.». Всего же «во время декларационной кампании 2015 г. число деклараций увеличилось на 8% и составило 5,4 млн единиц».

Ранее консультационная компания New World Wealth в своем исследовании отмечала, что в России более 82 тыс. долларовых миллионеров. Большая часть столь состоятельных людей (свыше 52 тыс. человек) проживает в Москве, что убедительно свидетельствует о чрезвычайно высоком уровне неравенства в доходах населения в нашей квазикапиталистической стране (Львов, 2002, 2004). Дополнительным аргументом будет и приведенное ниже опубликованное в МК авторитетное мнение главного экономиста Института фондового рынка и управления Михаила Беляева о дифференциации уровней заработной платы наемных работников (при среднемесячной начисленной заработной плате россиян около 31 тыс. р.): «Экономика России переживает сложные времена, и, прежде всего, хозяйственные невзгоды испытывают на себе, как водится, рядовые граждане. Их доходы сокращаются, а раскрутившаяся инфляция опустошает карманы наших соотечественников. А вот топ-менеджерам государственных компаний волноваться не о чем. Их кошельки не только “не похудели”, а даже пополнились», о чем свидетельствует и название упомянутой

статьи (Беляев, 2015), прямо заявляющее о том, что «топ-менеджеры госкомпаний зарабатывают в 150 раз больше рядовых служащих».

Как здесь не вспомнить ситуацию в России времен социалистического развития. Например, на такую ситуацию (в 2016 г.) в докладе на заседании МАОН (Международной академии организационных наук) указал заведующий кафедрой экономики государственного университета «Дубна» С.А. Панов: «Для непосвященных хочу напомнить о существовании в нашей стране некоего “коэффициента Краузе”, равного 2. Герой социалистического труда Краузе Геннадий Леонидович командовал тогда одним из лучших автокомбинатов № 1 Главмосавтотранса, включенных в эксперимент Косыгинской реформы. А коэффициент 2 означал, что месячная его (Краузе) заработная плата при успешной работе равна удвоенной среднемесячной заработной плате водителей комбината, причем их производительность труда при этом тоже резко выросла». Конечно, неравенство доходов при этом сохраняется и существенное, но далеко не такое вопиющее, как при зарубежном или российском вариантах капитализма, где неравенство нередко составляет несколько порядков, т.е. зашкаливает экстремально. Представляется, что можно согласиться с прозвучавшим тогда выводом д.т.н. профессора С.А. Панова: «такой коэффициент может стать регулятором разумной, справедливой и эффективной экономики». Этот вывод ясно свидетельствует о достоинствах ее социалистического варианта по сравнению с существующими «капиталистическими» образцами⁶. Это наше утверждение не противоречит известному мнению Джона Мейнарда Кейнса (Кейнс, 1978, 2009): «Декадентский интернациональный, но индивидуалистический капитализм, в руках которого мы находимся после Первой мировой войны, успехом не увенчался. Он не разумен, не красив, не справедлив, не добродетелен. И не

⁶ Более подробно этот сюжет рассмотрен С.А. Пановым также в докладе (Лившиц, Панов и др., 2016).

дает желаемого результата. Короче, он нам не нравится...». Нам тоже не нравится и уже после Второй мировой войны, и после окончания холодной.

КРАТКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Глобализация мировой экономики в качестве своего важнейшего негативного следствия генерировала во многих, если не большинстве стран – развитых и развивающихся – бедность и неравенство доходов населения, которые и на планете в целом, и в большинстве развитых стран, включая США и Россию, превысили не только рациональный, но и нормально допустимый уровни. Иными словами, как удачно в свое время сформулировал А.Ю. Шевяков (Шевяков, Кирута, 2002), «имеется кроме нормального справедливого и значительный избыточный уровень неравенства доходов населения и его бедности, с которым желательно “бороться” с целью его уменьшения до нормального, а в идеале – до “оптимального”»⁷.

⁷ Важными представляются и многие другие приведенные в (Шевяков, Кирута 2002, 2004, 2009) научные результаты, например, в монографии 2009 г. отмечается (с. 25), что «...роль нормального и избыточного неравенства в объяснении связей между социальными факторами и экономическими процессами заключается в следующем. Неравенство может играть двоякую роль в экономике. В нормальных условиях оно создает стимулы для продуктивной конкуренции и полного использования потенциальных возможностей социально-экономического развития. В этих условиях масштабы общего неравенства близки к масштабам нормального неравенства. Но в условиях, когда избыточные преимущества одних слоев населения обеспечиваются за счет ограничения возможностей других, более многочисленных слоев, неравенство препятствует социально-экономическому развитию. В этих условиях общее неравенство значительно превышает нормальное, т.е. имеется высокое избыточное

Хотя в последние десятилетия исследования и обсуждения проблем неравенства доходов населения и его бедности интенсивно ведутся в крупных странах мира квалифицированными коллективами исследователей, многие важные вопросы этой проблемы не только не решены, но являются предметом оживленной дискуссии. К ним, в частности, относится вопрос: существует ли связь между динамикой уровня неравенства доходов (в том числе денежных) населения страны и темпами ее экономического роста? Каков характер (качественный и количественный) этой связи? Существует ли корректно выражаемая допускающая оптимизацию народнохозяйственная функция полезности через характеристики неравенства доходов населения и бедности? Какие при этом следует учитывать ограничения? Как могут выглядеть (в случае существования) механизмы поиска допустимых, рациональных и оптимальных уровней неравенства и бедности, а также сами эти уровни?

Ввиду того что на международном и страновых уровнях как будто имеется консенсус о высоких текущих уровнях неравенства доходов населения и его бедности и, как следствие, необходимости их снижения, неясно, как институционально эффективно в современной рыночной и (или) квазирыночной экономике должен осуществляться этот процесс – в рамках концепции монетаризма, кейнсианства с вариациями или каким-то еще образом?

Не решен вопрос определения возможных рамок (стоимостных, временных и др.) и итогов «борьбы» с существующим на современном этапе недопустимым (или сильно неэффективным) состоянием бедности населения на планете и неравенством доходов

неравенство». Далее (с. 169–174) дается нетривиальная математическая (в том числе аналитическая и геометрическая) модельная интерпретация этих важных положений с использованием (на примере анализа нормального и избыточного неравенства заработных плат в российской экономике) связанных с соответствующими кривыми Лоренца индексов Джини (квази-Джини), поляризации и концентрации.

населения. Есть ли перспектива изменения указанного положения в желательном направлении?

Как следует оценивать «справедливость» действий, направленных на перераспределение доходов населения с целью сокращения неравенства и бедности? Например, путем изменения налоговой системы и др., так, как это принято в рамках теории социально-экономической эффективности, теории оценки инвестиционных (инновационных) проектов, общей теории принятия решений или как-то иначе?

Лейтмотивом данной работы является поддержка сформулированного в (Шевяков, 2011, с. 6) основного принципиального вывода: являются глубоко ошибочными, не имеющими подтверждения ни в теории, ни в практике положения взятой правительством либеральной доктрины, согласно которой «снижение дифференциации доходов населения – крайне сомнительная цель социальной политики» и «вмешательство государства в перераспределение доходов отрицательным образом влияет на стимулы к труду».

Список литературы

- Абрамов М.Д. Введение прогрессивной шкалы подоходного налога в России – обязательное условие развития ее экономики // Вопросы политической экономии. 2017. № 1. С. 40–52.
- Аганбегян А.Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению // ЭКО. 2015. № 9. С. 66–84.
- Аганбегян А.Г. Экономический застой мы создали сами // Московский комсомолец. 2017. 13 окт. С. 4.
- Аджемоглу Д., Робинсон А.Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные? Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2016.
- Баикатова А. Значительная часть россиян уже не выйдет из кризиса // Новая газета. 2017. 30 мая. С. 1.
- Баязитова А. В России выросло количество миллиардеров и миллионеров // Известия. 2015. № 134 (29380). С. 1.
- Беляев М. «Зарплата пропала» России. Топ-менеджеры госкомпаний зарабатывают в 150 раз больше рядовых служащих // Московский комсомолец. 2015. № 31 (26743). 16 фев. С. 1.
- Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А. Оценка эффективности инвестиционных проектов: теория и практика. 5-е изд. М.: ПолиПринт Сервис, 2017.
- Герасимова И., Герасимова Е. Неравенство денежных доходов населения России: пространственно-временной подход // Мир России. 2014. № 2.
- Гимпельсон В.Е. Отраслевые сдвиги и межотраслевое неравенство // Журнал НЭА. 2016. № 3 (31). С. 186–196.
- Григорьев Л.М. Социальное неравенство в мире. Интерпретация неочевидных тенденций // Журнал НЭА. 2016. № 3 (31). С. 160–170.
- Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М.: Магистр; ИНФРА-М, 2012.
- Джомо К.С., Попов В.В. Долгосрочные тенденции в распределении доходов // Журнал НЭА. 2016. № 3 (31). С. 146–160.
- Докучаев Д. Проверка на разрыв. Чем опасна пропасть между богатыми и бедными? // Московский комсомолец. 2017. 16 авг. № 27470. С. 1–2.
- Елкина М. Россияне хотят, чтобы власть вмешалась в распределение доходов // Известия. 2016. URL: <http://izvestia.ru/news/589145#ixzz44TkFVILW>.
- Емельяненко В. Каждому десятому россиянину не хватает денег даже на еду. М.: ВЦИОМ, 2017. Июнь.
- Зайцев А.А. Межстрановые различия в душевых ВВП и производительности труда. Роль капитала, уровня технологии и природной ренты. М.: Макс Пресс, 2016.
- Зубаревич И.В. Неравенство, кризис, модернизация. М.: НИСП, 2010.
- Капелюшников Р. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 117–139.
- Кейнс Дж.М. Теория процента, занятости и денег. М.: Прогресс, 1978.

- Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков (1931) // Вопросы экономики. 2009. № 6. С. 60–69.
- Лившиц В.Н., Панов С.А., Тищенко Т.И., Фролова М.П. Бедность и неравенство в России и за рубежом // Математика. Компьютер. Образование: сб. научных трудов, 23 января. Москва–Ижевск, 2016. С. 40–62.
- Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России, 1992–2013. М.: ЛЕНАНД, 2013.
- Лившиц В.Н. О необходимости изменения парадигмы государственного управления экономикой России // Экономическая наука современной России. 2015. № 1 (68). С. 18–27.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В. Макроэкономические теории, реальные инвестиции и государственная российская экономическая политика. М.: URSS, 2008.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В. Системный анализ нестационарной экономики России (1992–2009): рыночные реформы, кризис, инвестиционная политика. М.: ПолиПринт Сервис, 2010.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В. Бедность и неравенство доходов населения в России и за рубежом: доклад на Методологическом семинаре в ИЭ РАН 27 декабря. М.: Ин-т экономики РАН, 2017а.
- Лившиц В.Н., Лившиц С.В. Бедность и неравенство доходов населения в России и за рубежом. Часть 1 // Экономическая наука современной России. 2017б. № 3 (78). С. 70–86.
- Львов Д.С. Экономический манифест. Будущее российской экономики. М.: Экономика, 2000.
- Львов Д.С. Экономика развития. М.: Экзамен, 2002.
- Львов Д.С. Будущее России: Гражданский манифест. М.; Волгоград: Отделение общественных наук РАН, 2003.
- Львов Д.С. Вернуть народу ренту. М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2004.
- Малкина М.Ю. Оценка факторов внутрирегиональной дифференциации доходов населения РФ // Пространственная экономика. 2015. № 3. С. 97–119.
- Мануков С. Неравенство в доходах вышло из-под контроля // Expert Online. 2015. 14 окт.
- Махонин А. Богатые и бедность // Ведомости. 2014. 23 янв. С. 1.
- Миланович Б. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
- Мир в цифрах. М.: Олимп-Бизнес, 2013.
- Монусова Г. Чем определяется восприятие неравенства в доходах // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 1. С. 53–67.
- Новокмет Ф. Новые данные о неравенстве доходов в РФ. Неравенству ищут укорот // Коммерсант. 2017. № 167 (6161). 11 сент. С. 1.
- Новокмет Ф., Пикетти Т. От советов к олигархам: неравенство и собственность в России в 1905–2016 годах: монография, 2017. URL: <http://gabriel-zucman.eu/files/NPZ2017pdf>.
- Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал НЭА. 2016. № 3 (31). С. 170–184.
- Озерова М. Прогрессивный налог по-коммунистически: КПрФ считает «средней зарплатой среднего класса» депутатскую – 400 тысяч рублей в месяц // Московский комсомолец. 2017. 13 окт. С. 4.
- Петраков Н.Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика, 1998.
- Пикетти Т. Капитал в XXI веке: пер. с англ. М.: Ad Marginem Press, 2015 (*Piketty T. Capital in the twenty-first century. A. Goldhammer (trans.). Cambridge: Harvard University Press, 2014 (French: Éditions du Seuil, 2013)*).
- Попов С.П. Тенденции энергопотребления: китайский фокус // Пространственная экономика. 2015. № 3. С. 142–157.
- Регионы... 2008: стат. сборник. Rating.ru images. М.: Росстат, 2012.
- Рождественская Я. Россия стала мировым лидером по росту числа долларовых миллионеров. 28 сент. 2017. URL: <https://news.mail.ru/economics/31155128>.
- Россия в зеркале международных рейтингов: информационно-справочное издание. Новосибирск, 2015.
- Ростовский М. Пять лет без права передышки. Интервью с министром МЭР РФ Андреем Белоусовым // Московский комсомолец. 2013. 10 апр. С. 1–2.

Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003.

Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение нашего общества грозит нашей экономике. М.: ЭКСМО, 2015.

Стиглиц Дж., Сен Ам., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла? М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез / отв. ред. В.М. Котляков, науч. ред. О.Б. Глезер. М.: Медиа-Пресс, 2013.

Шевяков А.Ю. Мифы и реальности социальной политики. М.: ИСЭПН РАН, 2011.

Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства. М.: Лето, 2002.

Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Избыточное неравенство, социально-экономическая поляризация общества и государственная политика // Россия в глобализирующемся мире. Политико-экономические очерки. М.: Наука, 2004. С. 657–688.

Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студио, 2009.

Рукопись поступила в редакцию 16.10.2017 г.

POVERTY AND INEQUALITY IN INCOME OF THE POPULATION IN RUSSIA AND ABROAD. PART 2

V.N. Livchits, S.V. Livchits

Livchits Benjamin N., Federal Research Centre “Computer Science and Control” Institute for Systems Analysis Russian Academy of Science, Central Economic and Mathematic Institute Russian Academy of Science, Moscow, Russia, livchits@isa.ru

Livchits Svetlana V., Central Economic and Mathematic Institute Russian Academy of Science, Moscow, Russia

This article is about the extent to which the inhabitants of our planet have different means of life (the wealth they have accumulated and the incomes they receive) and how great is the inequality of potential financial opportunities for the level and quality of life of the population of different countries, both foreign and our country, regions, working in various industries and spheres of activity. System analysis will be briefly carried out not only the level of these incomes and the degree of their differentiation by the subjects under consideration, but also their dynamics, as well as the negative and positive consequences of this differentiation, possible ways and expediency of its reduction. Considerable attention will also be given to methods for measuring inequality and poverty, the real values of their indicators, the impact on them of various factors - including the status of the recipient of income (employee, manager, board member, etc.).

The article consists of two parts. In the first published article was given a general overview of the problem, a look at it through the eyes of domestic and foreign prominent economists and sociologists. In the present, second part of the article, the main attention will be paid to the system analysis of the influence of various sectoral, regional and other factors on the poverty level of various population groups and the inequality of their monetary incomes in our country and abroad. *Keywords:* globalization, non-stationary economy, poverty, inequality, money income of the population, index Gini, funds' coefficient, economic forum.

JEL: I30, I32.

References

Abramov M.D. (2017). Introducing progressive scale of income tax in Russia – an obligatory condition of its economy development. *Problems of Political Economics*, no. 1, pp. 40–52 (in Russian).

Adjemoglu D., Robinson Dj.A. (2016). Why are some countries rich and the others poor? The origin of power, prosperity and poverty. Moscow, AST (in Russian).

Aganbegyan A. (2017). Economic stagnation we have created ourselves. *Moskovskiy komsomolets*, 13 oct., p. 4 (in Russian).

Aganbegyan A.G. (2015). Overcoming poverty and decreasing inequality in income and consumption. *ECO*, no. 9, pp. 66–84 (in Russian).

- Bashkatova A. (2017). Considerable part of the Russians will never get out of the crisis. *Novaya gazeta*, 30 May, p. 1 (in Russian).
- Bayazitova A.V. (2015). In Russia the quantity of multimillionaires and millionaires increased. *Izvestia*, no. 134 (29380), p. 1 (in Russian).
- Belyaev M. (2015). "Wage gap" in Russia. Top-managers of state companies earn 150 times as much as other employees. *Moskovskiy komsomolets*, no. 31 (26743). 16 Feb., p. 1 (in Russian).
- Djomo K.S., Popov V.V. (2016). Long-term perspectives in income distribution. *The Journal of the New Economic Association*, no. 3 (31), pp. 146–160 (in Russian).
- Dokuchaev D. (2017). Test for breaking off. What is the gap between the rich and the poor dangerous by? *Moskovskiy komsomolets*, no. 27470, 16 Aug., pp. 1–2 (in Russian).
- Fundamental Problems (2013). Fundamental problems of the RF spatial development: Interdisciplinary synthesis. Moscow, Media-Press (in Russian).
- Gerasimova I., Gerasimova E. (2014). Inequality in cash income of Russian population: Spatial-temporal approach. *Universe of Russia*, no. 2 (in Russian).
- Gimpelson V.E. (2016). Industry upheavals and inter-industry inequality. *The Journal of the New Economic Association*, no. 3 (31), pp. 186–196 (in Russian).
- Grigoriev L.M. (2016). Social inequality in the world. Interpretation of non-obvious trends. *The Journal of the New Economic Association*, no. 3 (31), pp. 160–170 (in Russian).
- Grinberg R.S. (2012). Freedom and fairness. The Russian temptations of the false choice. Moscow, Magistr; INFRA-M (in Russian).
- Kapelushnikov R. (2017). Inequality: How not to simplify the problem. *Voprosy Ekonomiki*, no. 4, pp. 117–139 (in Russian).
- Keynes J.M. (1978). The general theory of employment, interest and money. Moscow, Progress (1936) (in Russian).
- Keynes J.M. (2009). The economic possibilities of our grandchildren (1931). *Voprosy Ekonomiki*, no. 6, pp. 60–69 (in Russian).
- Livchits V.N. (2013). System analysis of market reform of the nonstationary economy of Russia, 1992–2013. Moscow, LELAND (in Russian).
- Livchits V.N. (2015). On the necessity of changing the paradigm of state economic regulation in Russia. *Economics of Contemporary Russia*, no. 1 (68), pp. 18–27 (in Russian).
- Livchits V.N., Livchits S.V. (2008). Macroeconomic theories, real investment and the state Russian economic policy. Moscow, URSS (in Russian).
- Livchits V.N., Livchits S.V. (2010). System analysis of nonstationary Russian economy (1992–2009): Market reforms, crisis, investment policy. Moscow, PoliPrint Service (in Russian).
- Livchits V.N., Livchits S.V. (2017a). Poverty and inequality of population's income in Russia and abroad. Report at Methodological Seminar in the Institute of Economics RAS on the 21 of December. Moscow, Institute of Economics RAS (in Russian).
- Livchits V.N., Livchits S.V. (2017b). Poverty and inequality of population's income in Russia and abroad. Part 1. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3 (68), pp. 70–86 (in Russian).
- Livchits V.N., Panov S.A., Tischenko T.I., Frolova M.P. (2016). Poverty and inequality in Russia and abroad. Mathematics. Computer. Education: Collection of scientific papers. Moscow–Izhevsk, pp. 40–62 (in Russian).
- Lvov D.S. (2000). Economic manifesto. The future of the Russian economy. Moscow, Ekonomika (in Russian).
- Lvov D.S. (2002). Economics of development. Moscow, Ekzamen (in Russian).
- Lvov D.S. (2003). Russian future: The civil manifesto. Moscow, Volgograd, Department of Social Sciences RAS (in Russian).
- Lvov D. (2004). To return the rent to the Nation. Moscow, EKSMO; Algorithm (in Russian).
- Makhonin A. (2014). The rich and poverty. *Vedomosti*, 23 Jan., pp. 1 (in Russian).
- Malkina M.Y. (2015). Evaluation of the factors of inter-regional differentiation of population's income in Russia. *Spatial Economics*, no. 3, pp. 97–119 (in Russian).
- Manukov S. (2015). Income inequality has got out of control. *Expert Online*, 14 Oct. (in Russian).
- Milanovich B. (2017). Global inequality. New approach for the epoch of globalization. Moscow, Publishing House of the Gaidar Institute (in Russian).

- Monusova G. (2016). What is perception of income inequality determined by? *World Economy and International Relations*, vol. 1, pp. 53–67 (in Russian).
- Novokmet P. (2017). New data on income inequality in the RF. Inequality is being looked for shortening. *Kommersant*, no. 167 (6161), 11 Sept., p. 1 (in Russian).
- Novokmet P., Piketty Th. (2017). From the Soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia in 1905–2016. URL: <http://gabriel-zuchman.Eu/files/NPZ2017pdf> (in Russian).
- Ovcharova L.N., Popova D.O., Rudberg A.M. (2016). Decomposition of income inequality factors in modern Russia. *The Journal of the New Economic Association*, no. 3 (31), pp. 170–184 (in Russian).
- Ozerova M. (2017). Progressive tax in communist way: KPRF considers deputy wage of 400 000 rubles a month to be “an average wage of middle class”. *Moskovskiy komsomolets*, 13 Oct., pp. 4 (in Russian).
- Petrakov N.Ya. (1998). The Russian roulette. Economic experiment at 150 mln lives. Moscow, *Ekonomika* (in Russian).
- Piketty T. (2014). *Capital in the XXI Century*. Cambridge: Harvard University Press.
- Popov S.P. (2015). Trends of energy consumption: Chinese trick. *Spatial Economics*, no. 3, pp. 142–157 (in Russian).
- Regions... 2008. (2012). Statistical Collection. Rating.ru images. Moscow, Rosstat (in Russian).
- Rostovsky M. (2013). Five years without the right of correspondence. Interview with Minister of MED RF Andrey Belousov. *Moskovskiy komsomolets*, 10 Apr., pp. 1–2 (in Russian).
- Russia in the mirror (2015). Russia in the mirror of international ratings. Information-Reference Edition. Novosibirsk (in Russian).
- Sheviakov A.Y. (2011). Myths and realities of social policy. Moscow, Publishing House of ISEPP RAS (in Russian).
- Sheviakov A.Yu., Kiruta A.Ya. (2002). Evaluating economic inequality. Moscow, Leto (in Russian).
- Sheviakov A.Yu., Kiruta A.Ya. (2004). Overabundant inequality, social-economic polarization of society and state policy. Russia in the World of Globalization. Political-Economic Studies. Moscow, Nauka, pp. 657–688 (in Russian).
- Sheviakov A.Yu., Kiruta A.Ya. (2009). Inequality, economic growth and demography: Non-examined interconnections. Moscow, M-Studio (in Russian).
- Stiglitz J. (2003). Globalization: troubling tendencies. Moscow, Mysl' (in Russian).
- Stiglitz J. (2015). The price of inequality. Why the stratification of society threatens our economy. Moscow, Eksmo (in Russian).
- Stiglitz J., Sen A., Fitussi J.-P. (2016). Evaluating our life incorrectly. Why doesn't GDP have sense? Moscow, Publishing House of the Gaidar Institute (in Russian).
- Vilensky P.L., Livchits V.N., Smolyak S.A. (2017). Assessment of investment projects efficiency: Theory and practice. 5th ed. Moscow, PolyPrint Service (in Russian).
- World in figures. (2013). Moscow, Olymp-Bizness (in Russian).
- Yemelienenko V. (2017). Each tenth Russian is short of money even for food. Moscow, ARCPPOS, June (in Russian).
- Yolkina M. (2016). The Russians want the authorities to interfere in income distribution. URL: <http://izvestia.ru/news/589145#ixzz44TkFVILW> (in Russian).
- Zaitsev A.A. (2016). Cross-country differences in per capita GDP and Labor productivity. The role of capital, technology and natural rent. Moscow, Max Press (in Russian).
- Zubarevich I.V. (2010). Inequality, crisis, modernization. Moscow, Independent Institute of Social Policy (in Russian).

Manuscript received 16.10.2017